

ОДНА ЖИЗНЬ

К 85-летию Семена Израилевича Липкина

Независимая газ-
1996. 26 сент. — с. 7

Андрей Урицкий

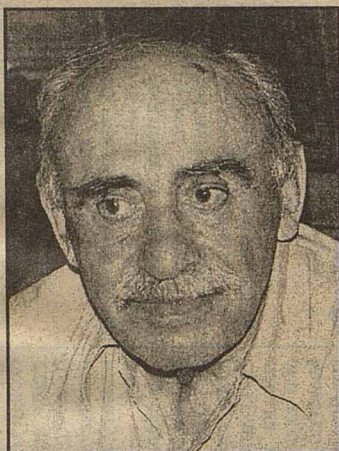
Поэт

В РОССИИ надо жить долго... Замусоленные слова сами вылетают из-под метафорического пера. Фраза утратила смысл, превратилась в расхожую пошлость, но что поделаешь, если действительно лучше жить долго — чтобы, увидев начало, успеть увидеть и финал. Семен Липкин родился — страшно подумать когда. Во всяком случае, он помнит, как приезжал в Одессу Николай II и как дядька-матрос нес на руках несчастного царевича Алексея. Это легко написать, понять до конца, наверное, невозможно. Интересно, как чувствует себя человек, живущий внутри истории литературы?

Плавное течение времени имеет свои узлы, ухабы, средоточия. Ученик Багрицкого и Шенгели, поклонник Бунина и Ходасевича, Семен Липкин приехал в Москву в конце 20-х. Нормальное начало нормальной литературной судьбы. Знакомство с Белым, Мандельштамом, Ахматовой. Обретение своего круга. Наследники русской классической традиции, Липкин и его друзья (Мария Петровых, Арсений Тарковский, Аркадий Штейнберг) должны были занять заметное, достойное место в литературе еще в тридцатых годах. Не пустили. Выпили на обочину. Вероятно, ощущался в стихах этих неоклассиков дух свободы, они не пели в унисон и не записывались в хор Безыменского — Жарова, потому и были неприемлемы. Убежищем и источником существования стали переводы. Кто-то должен был создавать «советскую многонациональную» — талантливые и трудолюбивые поэты пришлось ко двору. Гораздо позже Липкин изобразил эту своеобразную деятельность в повести «Декада», — но главным делом для него стали переложения народных эпосов: калмыцкого, киргизского, бурятского. Впрочем, и этот мирный труд оказался впоследствии опасным — калмыки были депортированы,

а самого Липкина обвинили не то в сионизме, не то в пантюризме. Но, по всей вероятности, высочайшего указания расправиться не поступило. Услужливые литпогромщики поработали вхолостую. И советский писатель Семен Липкин продолжал вести жизнь спокойную и размеренную.

Но давно пора отделить литературу советскую от литературы в Советском Союзе. Они ве-

сьма различны, хотя и создавались порой одними и теми же людьми. Оригинальный поэт Семен Липкин к советской литературе никакого отношения не имел. Писал «в стол», без надежды на публикацию. Да и как могло быть напечатано рядом с Сурковым и Твардовским такое:

ДОГОВОР

*Если в воздухе пахло землею
Или рвался снаряд в вышине,
Договор между Богом и мною
Открывался мне в дымном*

огне.

*И я шел нескончаемым адом,
Телом раб, но душой господин,
И хотя были тысячи рядом,
Я всегда оставался один.*

Написанное в 1946-м стихотворение — своеобразный русско-иудейский символ веры — в разгар борьбы с космополитизмом вполне могло стать причиной приговора. К счастью, ничего подобного не произошло.

И здесь важно отметить, что хотя Семен Липкин правоверный иудей и в его стихах слышен ясный библейский звук,

его Бог — не суровый Яхве Ветхого Завета, это Бог сострадающий всем племенам: евреям, русским, корейцам, цыганам... «Я плохой иудей, я люблю Христа», — сказал Липкин в одном из интервью (цитирую по памяти); и еще определеннее сформулировал в автобиографическом очерке «Пушкинская улица», описывая свои чувства при посещении храмов разных религий и конфессий: «Бог в этих храмах был тот же, что в синагоге, тот же, что и во мне, но в синагоге я жил дома, а в тех храмах я был в гостях у приветливых, благочестивых хозяев». Конечно, этот религиозный интернационализм есть вариант знаменитой, по-разному понимаемой русской всемирной отзывчивости.

Вынужденное литературное затворничество прекратилось в 60-х, когда границы, определяющие возможное, отодвинулись. Но Липкин остался чужд агрессивному советскому Оно. Хепши-энда не произошло. Произошел 1978 год: участие в скандальном альманахе «МетроПоль» и последующий героический безрассудный жест — выход из Союза писателей — не только естественный поступок свободного человека, но и расчет с собственным прошлым, с годами тайной внутренней эмиграции. И это же желание — высказаться до конца, расставить точки над i, предельно ясно обозначить свое отношение к литературе и жизни — пронизывает мемуарные очерки Липкина, в 1995 году собранные в книгу «Вторая дорога».

Один сюжет с «МетроПолем» заслуживает внимательного рассмотрения, но были и другие. Например, многолетняя дружба с Василием Гроссманом. И именно Семен Липкин хранил рукопись романа «Жизнь и судьба», и именно он в 1974 году переправил роман на Запад. Собственный же прозаический текст Липкина «Записки жильца» написан под несомненным влиянием Гроссмана, перекликается с его произведениями и одновременно спорит с ними: Гроссман был атеистом, для Липкина «в Боге — весь мир».

Наконец наступили другие времена. Пришли почести, премии, публикации в лучших журналах, регулярно выходят книги. Спокойная старость уважаемого писателя. В России жить надо долго. Вообще — жить надо долго.

Странно пытаться уместить на нескольких страничках чужую жизнь, чужой опыт, чужие обретения и потери. Можно попробовать лишь наметить некоторые темы. Семен Липкин не только последний поэт южнорусской школы, но и последний полномочный представитель поэзии Серебряного века — данное утверждение может показаться определенного рода натяжкой, но творческие корни Липкина именно там, в 10-х годах, но с тех пор много чего случилось: массовые казни, холокост, депортации, сорок четвертого года... Поэту выпал местом обитания катастрофический двадцатый век, поэт взглянул в его кошмарное лицо и навсегда остался с «обожженными глазами», и при этом у него хватило сил не отвернуться, не ожесточиться: «Обрел я в жизни лишь одну удачу, — /По-детски веря, мараить бумагу/ И знать, что и на небе не утрачу/ Траву лесную и речную влагу».

Но старательный пафос этой статьи беспомощен и бесполезен, проскальзывают громкие слова и пролетают мимо, потому что жизнь продолжается. И продолжают стихи:

ОПЕРАЦИЯ

*Я прожил жизнь, собой
не дорожа,
И потому безжалостно греша
В телесном одиночном
каземате,
И плачет о себе моя душа,
В чем даже Иов признавался,
кстати.*

*Хирург, что оперировал меня,
Склонясь над смесью глин
и огня,*

*Был реган
врачевательскому
гелу,*

*Но был смущен мой дух,
еще храня
Приверженность
бессмысленному телу.*
Это — из новой книги Семена Израилевича Липкина.